

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С24

Tom Sweterlitsch
TOMORROW AND TOMORROW

Copyright © 2014 Thomas Carl Sweterlitsch
All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons,
an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Разработка оформления серии А. Саукова
Иллюстрация на переплете Н. Плутина

Светерлич, Том.
С24 Завтра вновь и вновь / Том Светерлич ; [перевод
с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо,
2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-108231-4

2058 год. 10 лет назад Америка пережила чудовищный теракт. Миллионы жертв.

Люди пытаются жить дальше, но для многих эта жизнь — лишь дни после конца. Страна погрузилась в навязчивую рекламу и бесконечные телешоу, смакующие секс и насилие.

Доминик — архивариус, он отыскивает в Архиве записи, сделанные бесчисленными устройствами, вживленными в мозг людей. Работа приводит его к мертвой девушке, что становится началом расследования цепочки бесчеловечных убийств. Жизнь Доминика, и даже его память о дорогих людях, под угрозой уничтожения.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Н. Рокачевская, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020
ISBN 978-5-04-108231-4

Соне и Женевьеве

Бывает — заглотила боль
Все бытие до дна,
Но бездну она спрячет под собой,
Чтоб память перешла.
Так в оторопи человек
Легко проходит там,
Где зрячему дороги нет
И упокой костям¹.

Эмили Дикинсон

¹ Перевод А. Грибанова

• ЧАСТЬ 1 •

ВАШИНГТОН

23 АВГУСТА

Ее тело лежит в речушке Девять Миль, наполовину зарытое в ил. Временная отметка — конец апреля. Наверное, тело вымыло из земли дождем. Или наоборот, река взбухла после ливней, и на труп нанесло грязь течением. Временная отметка — 18.44, сквозь ветви деревьев струятся косые солнечные лучи, покрывая почву на поляне рябью пятен. Там, куда падает свет, вода мшисто-зеленая, но в тени она темно-бурая, почти черная. Я размышляю об этой земле, об истории местности, насколько она свылась с огнем — крутые склоны холмов у реки некогда были отвалами шлака со сталелитейных заводов, осыпающимися грудями расплавленного пепла, но когда я впервые познакомился с этим местом, все уже было реконструировано и покрылось зеленью. Здесь сделали городской парк.

Когда временная отметка достигает 19.31, становится слишком темно, и я корректирую световые фильтры. Деревья и тело светлеют в тошнотворно бледном искусственном свете. Я четко вижу ее ступни — белые, как шляпки торчащих из почвы грибов. Я помечаю тело и покидаю ее, уже в полной темноте иду обратно через парк по беговой дорожке.

На парковке, куда приводит дорожка, я устанавливаю время на 18.15 — за полчаса до того, как я ее найду. Тьма светлеет до синеватых сумерек. Я иду по петляющей через парк беговой дорожке, пока не спускаюсь к клубку корней и ежевики, где хватаюсь за тонкие ветки, чтобы удержать равновесие. Я здесь уже бывал. Изучаю подлесок на предмет отпечатков ног, признаков борьбы или клочков одежды — хоть чего-нибудь, но не обнаруживаю никаких следов, пока не утыкаюсь в ее тело: бледный изгиб спины и волна волос, из-за грязи значительно более темных, чем на фотографиях, — там они медово-русые. Я опускаюсь рядом с ней на колени. Рассматриваю ее, пытаюсь разобраться, что случилось, пытаюсь понять. В 19.31 становится слишком темно что-либо разглядывать.

Я возвращаюсь. На парковке в конце дорожки я переставляю время на 18.15, и темнота вновь отступает. Тело там, внизу, наполовину зарытое в ил. Я иду по беговой дорожке, изучая парк в поисках следов. Девушку я найду через двадцать минут.

21 ОКТЯБРЯ

Люди часто спрашивают нас, как умерли их близкие, ожидая услышать нечто экстраординарное или предполагая, что те испытывали страшные муки, и я вспоминаю стихотворение Одена «Музей изящных искусств»¹, потому что, за редким исключением,

¹ Живописуя нам страданье, мастера
старинные не ошибались, им была внятна без слов
вся человеческая суть его, когда при нем же

смерти, которые мы расследуем, банальны — люди ели, открывали окно или просто шли по улице. Ничего необычного, хотя выжившие часто вспоминают, какой был прекрасный осенний день, почти летний. Конец наступил быстро, это совершенно точно, и никто не страдал — за исключением выживших. Жизни пятисот тысяч человек закончились в ослепительной белой вспышке. Обычно помимо подробностей мы отвечаем интересующимся, что их

пьют, едят, идут себе куда-то, окна открывают, как вчера, когда, опять же, старики во исполнение пророчества,
дыханье затаив,
ждут чуда Рождества, а радостный народ мальчишек
коньками звучно режет лед у кромки леса, позабыв
иль вовсе не заметив ни волов, ни яслей, ни семьи,
ни пастухов.

О, старики-то мастера не позабыли,
что цветет и плодоносит страстотерпца корень
в безвестных дырах, часто под покровом пыли,
что тут же пес собачьей жизнью без остатка
поглощен, а конь
почесывает зад о дерево, пока хозяин-всадник
мученика мучит.

Вот брейгелев «Икар», к примеру: каждый спину
несчастью кажет, занятый своим. Ну, пахарь,
положим, слышал всплеск иль
крик «почто мене оставил»,
но пан, упал или пропал Икар — ему едино, солнце льет,
как и положено, лучи на ноги, что в углу белеют,
погружаясь в тину,
изысканный корабль, что стал свидетелем
невиданного — мальчик
упал с небес, — спокойно далее плывет.

(Пер. О. Меерсон)

родные не страдали и умерли в точности так же, как и жили. Даже этот кошмар шел своим чередом.

Двадцать первое октября...

Десять лет после конца.

Во вторник я в последний раз принял экстази. В то утро я даже ради приличия отправил сообщение Куценичу, мол, подхватил вирус и не приду, но он заявил, что я уже исчерпал запас больничных и отпусков, а другим архивариусам надоело меня покрывать. Мне могут снизить зарплату или даже установить испытательный срок. Уже поступали жалобы, так он сказал. Он сам перезвонил через несколько минут, и я пялился на фотку его профиля: снежно-белая борода и добрые голубые глаза; Начинка хвастливо выставлена напоказ — переплетение серебристых проводов пронизывает череп под кудрявыми волосами. Я сидел в кофейне «Трист», звонок прошел через местный вай-фай. Моя Начинка — дешевка, работает с непостоянной частотой кадров и показывает допы с дерьмовой задержкой в долю секунды. Образ Куценича висел перед моими глазами прозрачной пленкой, а за ним — меню кофейни с выбором кофе латте, эспрессо, мокко и так далее, на каждом пакете с кофейными зернами бежала надпись: «Справедливая торговля и органическая продукция». Куценич спросил, все ли в порядке, и я заметил легкий рассинхрон между движениями губ и словами.

— Все в норме, — ответил я. — Это просто носовые пазухи, видимо, подхватил инфекцию.

— Ты расследуешь убийство, — напомнил он.

— Завтра мне полегчает.

— Я доверил тебе дело о возможном мошенничестве и убийстве, — сказал он. — Мы должны придерживаться расписания, есть и другие дела.

— Ее тело в плохом состоянии.

Неловко обсуждать труп в оживленном кафе, но за ближайшими столиками все были погружены в собственные потоки дополненной реальности, болтали с невидимыми собеседниками или сторбились над своим кофе, забывшись в личных фантазиях. Никто не обращал на меня внимания.

— Запрос № 14502, Ханна Масси, — сказал Куценич. — Ты отметил, что ее записи в Архиве повреждены.

— Кто бы ни пытался скрыть убийство, это сделано топорно, — ответил я. — Повреждения Архива — как отпечатки пальцев, но отпечатков пальцев миллионы, и нужно время, чтобы в них разобраться.

— Ты себя погубишь. Понимаю, сейчас у тебя тяжелый период, и я тебе сочувствую, честно, но хочу быть уверен, что ты занят делом. Прошло несколько месяцев с тех пор, как ты ее обнаружил. Пора с этим разобраться. Тебе нужна помощь? Можешь взять неоплачиваемый отпуск. Мы перераспределим твои дела.

— Не нужен мне отпуск, — отрезал я. — Я не могу позволить себе отпуск.

— Что говорит твой врач?

— Давай не будем вмешивать сюда личное. Не надо сворачивать на личные проблемы.

— Ты занимаешься сложной работой, — сказал он, слегка смягчившись. — Ты всегда тщательно ведешь расследование, но в твоём отчете есть про-

белы. Существенные пробелы. Что насчет родителей жертвы? Друзей? Ты даже не описал ее последние часы.

— Последних часов пока нет. Я проследил ее до места исчезновения, но умерла она не там. Она была в колледже, на лекции по психологии, о взаимодействии человека и компьютера. После занятий она пересекла студенческий городок и вошла на нижний уровень парковки на Пятой авеню, на углу с Морвуд-авеню. Там нет камер слежения. Оттуда ее и забрали.

Я свернул изображение Куценича и уставился в кофе, на его поверхности мерцали сведения о питательной ценности. В Архиве обнаружился пробел с того времени, когда она вошла на парковку, и до момента, когда я обнаружил ее тело у реки. Камеры слежения установили на парковке только через несколько недель после ее исчезновения, полно записей из нижних уровней через несколько недель и месяцев, на них охранники объезжают территорию на карах, но уже слишком поздно.

— Надо как-то ограничить рамки твоего расследования. Страховой компании «Стейт фарм» нужно лишь знать, как она умерла, — сказал Куценич. — Задokumentированная причина смерти, только и всего. Резюме на страничку. А когда мы будем уверены, что имеем дело с убийством, я зарегистрирую ее смерть в ФБР — если мы не поступим как полагается, это повлечет за собой неприятные последствия. Нужно придерживаться расписания. Я не могу позволить, чтобы ты несколько дней или даже недель не показывался.

— Я нашел ее тело, — напомнил я, подумав о весенних дождях, размывших неглубокую могилу. — Именно я.

— Слушай, Доминик, если ты собираешься и дальше заниматься этой работой, научись видеть общую картину. Нельзя просто зарыться в расследование и забыть обо всем остальном. Ты должен понять, что, когда я встречаюсь со страховой, ее люди могут быть в восторге от наших находок, от проделанной тобой работы, но первым делом зададут вопрос: «Почему вы не сказали нам, как она умерла?» Эти сведения для них стоят денег, а они пекутся о деньгах, а не о девушке. Ты должен думать о том, каким выглядит эффективный результат в их глазах.

— Им плевать, кто ее убил, а нужно лишь знать, что ее убили, — сказал я. — Разве не так? Хочешь, чтобы я не занимался тем, как это случилось? Я так не могу, Куценич. Уже несколько недель стоит мне закрыть глаза, и я вижу ее.

— Все эти образы — не реальность, — напомнил он. — Ты погружаешься в Архив, и если не будешь осторожным, то забудешь, что это не реальность. Ты слишком много времени посвящаешь наблюдению за смертью людей, это может на тебя повлиять. Ничего страшного, если сейчас ты не способен продолжить расследование, если не можешь работать.

— Что значит «забудешь, что это не реальность»? Все это произошло в реальности.

— Загрузи несколько часов и поработай с ними, — велел он. — К вечеру мне нужно что-нибудь новое.